

УДК159.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Арпентьева М.Р.,

доктор психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
кафедры психологии развития и
образования, Калужский
государственный университет,
Калуга, Россия

Аннотация

Мақалақарауерекшеліктері мен проблемаларын зерттеу әлеуметтік-психологиялық кеңес беру негізі ретінде технология әлеуметтік жұмыс мәселелерін қосаалғанда, әзірлеу, анықтау және бір ыңғай тұжырымдамасын әзірлеу әлеуметтік-психологиялық кеңес беру, оның байланыстарды клиникалық-психологиялық және жас-психологиялық консультация беруге. Негізгі мәселелер қарастырылады және интенции әлеуметтік-психологиялық кеңес беру саласы ретінде адамиқарым-қатынас, өзараіс-қимыл және өзара түсіністік. Қаралады негізгі аспектілері қарым-қатынастар мен ұсынатуралы консультативтік-қатынастары ретінде үлгісінде адамдар арасындағы қарым-қатынас тұтастай алғанда.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей и проблем изучения социально-психологического консультирования как одной из основных технологий социальной работы, включая проблемы разработки определения и разработки единой концепции социально-психологического консультирования, его связей с клинико-психологическим и возрастно-психологическим консультированием. Рассматриваются основные проблемы и интенции социально-психологического консультирования как сферы человеческих отношений, взаимодействия и взаимопонимания. Рассматриваются основные аспекты отношений и представления о консультативных отношениях как образце отношений между людьми в целом.

Abstract

The article is devoted to consideration of the characteristics and problems of the study of socio-psychological counselling as one of the key technologies of social work, including problem definition and development of a unified concept of socio-psychological counselling, its relationships with clinical-psychological and age-psychological counselling. Discusses the main challenges and intentions of socio-psychological counseling as a sphere of human relations, cooperation and understanding. The article also is devoted to problems of interpersonal relations in the context of psychological counseling. Discusses the basic aspects of relations and views on the consultative relationship as the pattern of relationships between people in General.

Түйінсөздер: әлеуметтік-психологиялық кеңес беру, психотерапия, шаманизм, емшілік, өзара түсіністік.

Ключевые слова: социально-психологическое консультирование, психотерапия, шаманизм, целительство, взаимопонимание.

Key words: socio-psychological counseling, psychotherapy, shamanism, healing, understanding.

1. Введение.

Социально-психологическое консультирование в России и за рубежом выступает как разнообразное по своим формам, видам и моделям, не в полной мере осмысленное и освоенное практиками и теоретиками, явление. Наиболее распространенным на сегодняшний день является его определение как процесса, связанного с созданием психологом-консультантом в ходе специально организованной беседы условий для развития клиента как субъекта социальных взаимодействий. Несмотря на многочисленность и, вместе с тем, разрозненность частных и фундаментальных зарубежных и отечественных исследований психологического консультирования, метааналитический, методологический анализ его наиболее значимых, сущностных феноменов современными отечественными и зарубежными исследователями (Бондаренко, 2007, Бюдженталь, 2010; Василюк, 2007, Джакупов, Абдрашитова, 2009; Елизаров, 2003; Жарыкбаев, Сангилбаев, 2010; Калина, 1997, Касен, 2011; Копьев, 2005, 2010, Кочюнас, 2008, Сапогова, 2008; Сангилбаев, 2011; Сапарова, 2004; Сарсенбаева, Намазбаева, Каракулова, 2010; Петровская, 2007, Роджерс, 1997, др.) позволяет сформулировать представление о консультировании, как о сфере человеческих отношений, проявляющихся в общении клиента и консультанта («практики консультирования»), ценностных основаниях социально-психологической помощи («теории консультирования»), в понимании субъектами консультирования самих себя, друг друга, ситуаций взаимодействия. При этом проблема взаимопонимания, отражающая внутренние аспекты становления и развития консультативных отношений, - до сих пор развернутого осмысления не получила, хотя имеет весьма важное значение в плане профессиональной подготовки деятельности специалистов (Арпентьева, 2015; Айтышева, 2010; Джакупов., Абдрашитова, 2009; Ерментаева, 2006, 2007; Казкен, 2011; Касен, 2011; Сарсенбаева, Намазбаева, Каракулова, 2010; др.).

2. Материалы и методы.

Теоретический анализ сущности социально-психологического консультирования предполагает его изучение в практике социальной помощи и в контексте сходств и различий с иными видами консультирования. Как область консультативной психологии социально-психологическое консультирование существует наряду с другими областями, в том числе с возрастно-психологическим и клинико-психологическим консультированием.

Возрастно-психологическое консультирование предполагает психологическую помощь людям по поводу проблем, возникающих в ходе возрастного развития и обучения, используя в процессе помощи клиентам закономерности и психотехнологии, активизирующие механизмы возрастного развития.

Клинико-психологическое консультирование, во многом отождествляемое с психотерапией, предполагает психологическую помощь в связи с серьезными нарушениями функционирования и развития психических функций и личности, использует в процессе помощи клиентам закономерности и технологии, активизирующие восстановительные (реабилитационные) процессы.

Социально-психологическое консультирование, нередко отождествляемое с концептом «консультирование», фокусируется на проблемах взаимоотношений человека с собой и миром, рассматривая эти отношения и как источник проблем, и как путь к их преодолению.

Однако, поскольку нарушения отношений констатируются и в ситуации возрастных кризисов и в ситуации психических нарушений, постольку можно говорить не просто о социально-психологическом консультировании, но о социально-психологическом подходе в консультировании. Формирование данного подхода в области консультирования как сферы профессиональной деятельности и модели помогающих взаимоотношений человека и общества, до сих пор не завершены.

Особый вопрос – о становлении и развитии социальной работы связан с проблемой соотношения социального и психологического аспектов помощи. Социально-психологическое консультирование как эдологическая практика, сфера профессиональной деятельности, формируется на «стыке» двух других областей: медицинской помощи и психотерапии и

социальной работы. При этом социальная работа демонстрирует тенденцию к теоретической экспансии в самые разные сферы профессионального взаимодействия и жизнедеятельности людей, выступая как «родовой» по отношению к ним феномен. Она осуществляется как деятельность по организации помощи и взаимопомощи людям и группам, попавшим в трудные жизненные ситуации. Социальная работа призвана оказывать помощь индивидам и группам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в решении их проблем с целью восстановления их социального функционирования и самореализации. Субъект социальной работы – социальные работники разных специализаций, занимающиеся этим видом деятельности профессионально или на общественных началах, а также клиенты, нуждающиеся в социальной, в том числе социально-психологической, помощи, часто рассматриваемые как ее «объекты». Социальная работа представляет собой значимый для общества и для человека процесс, который может быть охарактеризован как встреча социальных субъектов разного типа и уровня по поводу сохранения, восстановления и развития социальности. Эта встреча является событием жизни каждого из субъектов, трансформируя бытие каждого из них, изменяя формы их взаимодействия. В самом общем виде социальная работа определяется, как вид профессиональной деятельности, основанный на междисциплинарных приёмах формирования, поддержания, реабилитации устойчивой социальной интеграции личности и группы. Диалог человека и общества осуществляется на разных уровнях социальной работы – социетальном, социосферном и конкретно-практическом, и существенно выходит за рамки помощи нуждающемуся, изменяя и самого помогающего, и те психотехнологии, ценности и парадигмы, на которые опирается помощь, а также саму ситуацию их взаимодействия, смысл этой ситуации. Каждый этап изменения парадигмы помощи связан с изменением субъекта и объекта эдологии (который может либо расширяться, либо сужаться), изменением понятийного языка (семантического плана), номинации процесса и идеологии помощи, которая во многом определяется пандемическими, глобальными процессами развития сообществ и человечества в целом.

Что касается медицинской, собственно психотерапевтической помощи, являющейся еще одним источником социально-психологического консультирования, то нужно отметить все большее обособление, и вместе с тем, тенденцию к экспансии социально-психологического подхода в теорию и практику клинического, психиатрического и психотерапевтического взаимодействия, а также – экспансии социальной работы в теорию и практику медицины в целом). Выполняя свои собственные задачи, социально-психологическое консультирование позволяет преодолеть усеченность диагностики и помощи (лечения) в медицинской психотерапии и психиатрии, для которых типичен клинический редукционизм – игнорирование социально-психологических факторов нарушений. Это, по мнению современных исследователей, проявляется даже в рамках так называемого биопсихосоциального подхода, декларирующего целостность анализа, но фокусирующегося на биологических и социально-психологических аспектах.

Критика медицинской парадигмы помощи включает подчеркивание значимости формирования психологических и системных подходов к психическим нарушениям и их исцелению. Реже встречаются попытки «реанимировать» приоритет нарушений «сенсорного» или «нейронного» диалога в развитии дисбаланса на социально-психологическом и духовном уровнях. Отмечается неэффективность медицинского подхода, эксплуатирующего «мифы о психической болезни», множественных злоупотреблениях врачами, пациентами и здоровыми людьми лекарствами, модифицирующими психическое и соматическое состояние: говоря о наступлении своеобразного «фармагеддона» (pharmageddon) (Арпентьева, 2015; Nealy, 2013). Подчеркивается, что многочисленные заблуждения и откровенные фальсификации в психиатрии и иных медицинских практиках, вместо пользы приносят пациенту вред (Власова, 2006; Breggin, 1993; Claringbull, 2012; Epstein, 2006). Указывается, что необходима смена парадигм в понимании и лечении психических и соматических нарушений: преодоление негативных последствий «фармагеддона» и поиск «смыслов безумия» (meaningsofmad-

ness), понимания логики симптомов и «слушания голосов» (hearingvoices) и симптомов пациента (McCarthy-Jones, 2013; McCartney, 2012). Пациенту нужны понимание и любовь, а не лекарства, он нуждается в том, чтобы понять себя и болезнь и, поняв, найти путь к выздоровлению (Власова, 2006; Карвасарский, 2000; Кемпински, 1998; Минигалиева, 2008). Насколько важен учет социально-психологических аспектов помощи людям, демонстрирующих те или иные признаки нарушений или затруднений (общую или парциальную социально-психологическую некомпетентность) во взаимоотношениях с обществом, людьми, самими собой, говорят современные концепции психосоматики, «антипсихиатрии» и целительства (Лейнг, 1995, др.), противопоставляющие «объектному» подходу к человеку, его ограничениям и ошибкам, преобразующий диалог. Это существенно расширяет круг проблем и клиентов, которым может быть оказана помощь, изменяет сам контекст, смысловые акценты, рассмотрения проблем клиентов. При этом роль взаимопонимания в консультировании хотя и не является осмысленной в должной мере, однако, «между строк» присутствует, так или иначе, во всех работах.

3. Обсуждение основного материала исследования.

Попытки осмысления социально-психологического консультирования, рассматривают его по-разному:

1) в контексте деления консультирования на краткосрочные и долгосрочные формы помощи, связанные с разными типами клиентов и их проблем, а также с различными целями и технологиями. Наибольший интерес представляет внимание исследований данной группы к соотношению феноменов самопонимания клиента и понимания психолога клиентом, проблемам барьеров (взаимо)понимания, индоктринации и сопротивления пониманию и изменениям у клиентов, проблемам, соотношению ориентаций консультанта на понимание и изменение, их проявлению в преобразующем диалоге и его результатах (Бондаренко, 2007; Джакупов, Абдрашитова, 2009; Фанч, 1997, Эйдемиллер, Юстицкий, 1997, др.);

2) в контексте выделения форм индивидуальной, групповой и межгрупповой (в том числе семейной, общинной, организационной) работы, при рассмотрении особенностей которых акцентируются различные ролевые позиции и механизмы, возможности и ограничения преобразующего диалога. Большой интерес представляет внимание исследователей данной группы к изучению условий и результатов взаимопонимания как механизма взаимопомощи, возможностей и ограничений понимания себя и окружающего мира субъектами (Елизаров, 2003; Кочюнас, 2008);

3) в контексте выделения форм консультирования, в связи с его функциями: коррекционно-обучающей, информационно-диагностической и посреднической, сопровождающей-развивающей (сопровождающей саморазвитие и самопомощь), при сравнительном рассмотрении особенностей, которых акцентируются различия ценностно-смысловых контекстов, возможности и ограничения преобразующего взаимодействия, осуществляются попытки выделения метаконцептуальных, инвариантных для разных форм феноменов преобразующего диалога. Весьма ценны штудии выделенной группы относительно возможностей и ограничений (развития) понимания человеком себя и окружающего мира в гармонизации его отношений и взаимодействия с другими людьми, к ценностно-смысловым аспектам («метанавыкам») консультативного взаимодействия как взаимопонимания, отражающим «метаусловия» и определяющим «метарезультаты» консультирования (Василюк, 2007; Минделл, 1997, Сосланд, 1999);

4) в контексте выделения и сравнения различных «психотерапевтических школ», описания их содержательных (понятийно-смысловых) и процессуальных (механизмов преобразования) особенностей, условий и показателей продуктивности/эффективности. Большой интерес представляет изучение процессов индоктринации (как трансляции инопонимания) и основанных на индоктринации трансформаций (разных сфер) жизнедеятельности субъектов, специфических для разных школ форм достижения, уровней и проблем взаимопонимания клиента и консультанта (Калина, 1997; Минигалиева, 2008, 2012; Яковлева, 1999);

5) в контексте выделения различных сфер социально-психологического консультирования: организационное и управленческое консультирование, консультирование в социальной работе, включая кризисное консультирование, социально-психологический тренинг и профессиональное, в том числе супервизорское, консультирование, при сравнительном рассмотрении особенностей, которых акцентируются различия целей, технологий, консультантов (их профессиональной подготовки и позиции) и клиентов (их проблем и типов). Важным моментом является обращенность этих исследований к изучению особенностей, компонентов и механизмов понимания субъектами себя и окружающего мира в контексте и вне контекста консультирования, изучение возможностей и ограничений, условий и результатов «переноса» изменений в осмыслении себя и мира, достигнутом в консультировании, в практику повседневных отношений, к изучению условий и результатов трансформаций понимания себя и мира консультантом (Арпентьева, 2014, 2015; Касен, 2011; Кочюнас, 2008; Сангилбаев, 2011; Сарсенбаева, Намазбаева, Каракулова, 2010; др.).

Таким образом, консультирование как социально-психологический феномен предстает как сложное, полиморфное явление, связанное с помощью разных групп клиентов в решении проблем их отношений с собой и миром: внутриличностного, межличностного, а также внутригруппового и межгруппового функционирования, развития и восстановления (абилитации и реабилитации). С развитием теории и практики социальной работы усиливается тенденция рассматривать социально-психологическое консультирование в качестве компонента эдологии как науки и практики помощи человеку человеку, в контексте проблемы построения и развития человеческих отношений, в том числе, такого их феномена как взаимопонимание. Социально-психологическое консультирование как одна из форм консультирования связано в особенностями профессиональной деятельности, определяющими характер взаимодействия психолога с клиентом – как преобразующего личность и ее отношения общения (диалога). Профессиональные особенности общения психолога-консультанта определяются его позицией в преобразующем диалоге: тем, о чем (предмет взаимодействия, фокус – нарушение и болезнь или проблема и цель), с кем (обращенность взаимодействия – к «нормальному» клиенту или к «больному» пациенту и т.д.) и как (предпочитаемая модель общения) он взаимодействует. Взаимодействие с клиентом как субъектом, стремящимся разрешить проблемы внутриличностного и межличностного функционирования и развития, понять и изменить себя и свою жизнь определяет направленность деятельности на построение и развитие преобразующего диалога, то есть взаимопонимания. Преобразующий диалог, связанный с достижением и развитием взаимопонимания, понимания себя и мира субъектами взаимодействия, типичный для социально-психологической модели, отличен от клинической беседы в клинико-психологическом консультировании (психотерапии), ориентированной на диагностическое и воздействующее («воздейственное») понимание консультантом клиента, индоктринацию клиента как трансляцию и обучение консультантом клиента как пациента организованным в «психотерапевтический миф» смыслом болезни и излечения, способам осмысления и преобразования его проблем и нарушений. Клиенты в контексте социально-психологического консультирования, в отличие от клинико-психологического консультирования и психотерапии, рассматриваются не как пациенты, страдающие от дисфункций психических процессов (деятельности) или даже органических причин их нарушений, нуждающиеся в помощи врача-психотерапевта, но как клиенты, стремящиеся исправить более или менее выраженные, осознаннее, обширные и глубокие, проблемы социального функционирования и развития, которые проявляются в отношении индивидуальных и групповых субъектов к самим себе и/или к окружающим их субъектам, миру в целом (на внутреннем или внешнем по отношению к личности или группе уровнях). Таким образом, клиенты могут стремиться уменьшить диссонанс или деформацию, восстановить гармонию внутренних и внешних отношений, а также развивать себя и отношения с миром, реализуя себя (в процессе самореализации) и предоставляя возможности реализоваться окружающим, преобразовывая трудные жизненные ситуации.

Социально-психологическое консультирование характеризуется, т.о., широкой ориентацией: групп проблем и клиентов, которым оказывается помощь, парадигм помощи и лежащих в их основе эпистемологических оснований. Рассмотрение различных проблем и работа с самыми разными группами клиентов предполагает выход за пределы ситуации индивидуальной жизнедеятельности, ее рассмотрение в широком социальном контексте, что выступает как базовый императив психосоциальной работы.

С социально-психологической точки зрения трудные ситуации, становящиеся причинами психологических страданий клиентов, включают внутриличностные, межличностные и межгрупповые социально-психологические конфликты и нарушения, возникающие в связи с рядом проблем:

1) макросоциальные кризисные стрессовые ситуации, связанные с катастрофами, терактами, войнами, стимулирующие возникновение трансординарных нарушений типа вины выжившего, «стокгольмского синдрома», посттравматических стрессовых расстройств;

2) социальное насилие, столкновение человека с частной и государственной преступностью, активизирующие нарушения связанные с переживаниями социального каннибализма, незащитности и отсутствия контроля, опыта рабства и виктимизации;

3) проблемы и конфликты религиозно-нравственных и межкультурных отношений, активизирующие нарушения, связанные с переживаниями отчуждения, агрессии, несправедливости, расовой, национальной и религиозной дискриминации,

4) отклоняющееся поведение, преступность и правонарушения, активизирующие, как и предыдущие, экзистенциальный кризис и ярко выраженные нарушения, связанные с переживаниями агрессивной неудовлетворенности собой, миром, стремления отомстить миру, «взять от жизни все»;

5) терминальные заболевания и связанные с ними состояния (комы, изоляции и т.д.), переживание потерь (смертей) близких людей, активизирующие нарушения понимания себя и мира, а также работу механизмов компенсации или восстановления, по поводу обратимых, - и горевания - по поводу необратимых - потерь;

6) инвалидность, хронические психосоматические и психические нарушения и заболевания, алкоголизм и наркомания, активизирующие нарушения внутриличностного и межличностного функционирования, препятствующие нормальному развитию и способствующие различного рода искажениям развития, включая инволюционные ресоматизации, психопатии и т.д., ставящие перед человеком задачи поиска продуктивных защит и стратегий совладания с болезнями, исследования нужд и трансформации желаний в целях прояснения и изменений взаимоотношений с миром и с собой;

7) социально-экономическая нужда и бедность, безработица и профессиональная дезадаптация, активизирующие переживания, связанные с лишением доступа к реализации собственных ресурсов, сознательный или бессознательный отказ от связей с обществом и профессиональных отношений, включая феномены «дауншифтинга», создания симулякров, маргинализацию, требующие пересмотр соотношения «потребительского» и «творческого» отношений человека к себе и миру;

8) сексизм как половая дискриминация и насилие, искажения гендерных и половых ролей и жизнедеятельности, активизирующие проблемы и переживания, неудовлетворенности в семейной и профессиональной жизни, необходимость пересмотра семейных и родовых сценариев и опыта взаимоотношений на уровне структурных и процессуальных шаблонов жизнедеятельности;

9) одиночество детей, взрослых, пожилых, их бездомность, отсутствие семьи или проблемы семейных взаимоотношений, разводов и т.д., активизирующие переживания по поводу невозможности подтверждения и разделения, связанные с отсутствием близости и изоляцией, невозможности понимания, помощи и изменений в себе и значимых (близких) других, побуждающие к поиску и пересмотру внутренних оснований (смыслов) жизнедеятельности,

10) проблемы кризисов возрастного, личностного и духовного развития, «экзистенциальной фрустрации», межвозрастного взаимодействия, «эйджизма», взаимодействия личностей и групп, отличающихся по своим духовно-нравственным ориентациям, зрелости,

11) профессиональное консультирование, включая академическое консультирование и консультирование в различных профессиональных контекстах, например, политическом, управленческом и т.д. – по поводу выбора профессии, обучения, профессионального функционирования и развития в организации и вне нее, нарушений взаимодействия профессионалов с организацией, клиентами,

12) проблемы организационно-управленческого плана, коучинг нововведений и антикризисных, развивающих программ, сопровождение процессов управления карьерой и кадрами в организации и т.д..

Проблемы, с которыми сталкиваются клиенты, могут быть охарактеризованы как проблемы, связанные преимущественно с нарушениями и затруднениями понимания социальных ситуаций, себя или окружающих людей в интимно-личностном, деловом и других видах отношений, локализованные на ценностно-ролевых, смысловых и непосредственно интерактивных уровнях жизнедеятельности.

Типологизация ситуаций социально-психологического консультирования на основании различий стоящих перед клиентами проблем, позволяет выделить следующие виды консультирования:

1) обращенных к решению проблем (конфликтов и расхождений, выгорания и перенапряжения, деформаций и деструкций) внутриличностного и межличностного уровней;

2) проблем социально-психологического функционирования и его восстановления (психологической защиты и совладания с жизненными трудностями), социально-психологического развития (самореализации и наставничества) в сфере семейных, профессиональных и иных отношений;

3) по поводу травмирующих (внешних) экстремальных ситуаций, возникающих в межличностных «объектных» и межсубъектных отношениях, по поводу внутриличностного (внутригруппового) кризиса, связанного с «экзистенциальной фрустрацией» и задержкой (нежеланием) развития;

4) направленное на трансформацию жизненных ценностей и интенций, моделей общения, фокусов и способов понимания себя и окружающего мира клиентов.

Поскольку социально-психологическое консультирование представляет собой непосредственную или опосредованную работу с человеком, семьей, группой или организацией, направленную на решение личностных, межличностных и межгрупповых проблем средствами консультативной беседы, постольку важным измерением социально-психологической помощи является ее формат: непосредственный или дистанционный, опосредованный. В последнее время все больше развивается дистанционное консультирование, вместе с его экспресс-вариантами. Однако, контактные формы сохраняют свою значимость, особенно в долгосрочном варианте.

Рассматривая проблему специфики социально-психологического консультирования как помогающего взаимодействия, типологий нарушений сознательных или неосознанных противодействий в помогающем диалоге современные исследователи выделяют несколько типов социально-психологических, в том числе межличностных, отношений, в частности, противопоставляют потребительское и помогающее отношение людей (и их групп) друг к другу, выраженность которых варьирует, образуя континуум включающий следующие типы: 1) избегание чужих проблем и нежелание оказывать помощь, 2) помощь в обмен на помощь, калькуляция услуг, 3) старание понять других людей и помочь им, 4) стремление к решению своих проблем под видом помощи другим, лжепомощь. Различные виды лжепомощи могут быть рассмотрены в связи с проблемой агента (agencyproblem) - выполнения консультантом деятельности в интересах общества, клиента, самого себя, или третьих лиц, а также в связи с проблемой моральной угрозы, риска (moralhazard): нежеланием и неспособностью спе-

циалиста работать с ценностно-смысловыми коллизиями и противоречиями, включая более или менее выраженные противоречия интересов клиента, консультанта, общества (Сангилбаев, 2011; Сапарова, 2004; Сарсенбаева, Намазбаева, Каракулова, 2010; др.). Так помогая клиенту, активизируя и фасилитируя его изменения (Роджерс, 1997), психосоциальный работник сталкивается с тем, что социальная работа не исчерпывается оказанием помощи людям, попавшим в беду, но представляет собой инструмент общественной власти: сферой столкновения интересов клиента и общества, социальной службы и государства. Часто речь идет о возможности насильственного вмешательства в жизнь клиента, деформациях в развитии и деятельности работников социальных служб или государства, возникновения состояния типа «психологического сгорания», профессиональных деформаций.

Социальные конфликты или внутриличностные конфликты и проблемы, которые часто приходится решать человеку – это конфликты, связанные с выбором: реализовывать ценности социума, группы (частные) или реализовывать общечеловеческие ценности. Противодействие профессиональным деформациям связано с умением извлекать опыт из происходящего, осмысливать действующие и возникающие во взаимодействии мотивы, определяющие и трансформирующие ценности и перспективы жизнедеятельности человека или организации. Что касается проблемы власти, то исследователи соотносят ее с вопросами «харизмы», лидерства и агрессии. Харизма и «конгруэнтное лидерство» не являются самоцелью специалиста. Они могут лишь привлекать к психологу клиентов, нуждающихся в создании более прочных, чем у них есть «опор жизни», однако, целью консультанта не является стать опорой клиента вместо него, но помочь клиенту стать «терапевтом самому себе». Консультант нуждается в том, чтобы проработать свои представления о лидерстве и власти, осмыслить «глубинную демократию» своей жизни и жизни клиентов, включить свои особенности и потребности в этой сфере в поток жизнотворчества, уметь «танцевать» свое лидерство, а не сомневаться по поводу его «негативности» или, напротив, сверхценности. «Танец» лидерства предполагает проявление и осознание скрытых структур, сохранение и формирование естественного потока в отношениях, равенство людей как танцующих, выступающее как способ коррекции и профилактики различных форм психопатологии и затруднений в развитии (Касен, 2011; Минделл, 1997, Роджерс, 1997). Говоря об агрессии, исследователи отмечают, что агрессивность есть мера непонимания: «Самосознание – основная цель человека, проявляющаяся в устремлениях всего сущего, но насилие противопоставляет ему замкнутую сферу ... осознание этой сферы недоступно тому, кому недостает насилия (оно недоступно, в частности, тогда, когда насилие искажает сознание и приводит его в беспорядок). Другими словами, поскольку человек – продукт двух противоположных начал, осознание того, чем он является, для него невозможно. Он необходимым образом теряет в одной области то, что приобретает в другой. Декларирующие и идеализирующие свою «клиент-центрированность» и паритетность гуманистические подходы, явно или неявно «загоняющие садиста в тупик», подчас более директивны и асимметричны, чем бихевиоральные и парадоксальные «принудительные» подходы: первые «превращают тупик в выход», а вторые делятся пониманием сути происходящего. Вопрос о принуждении и власти это вопрос о роли консультанта: «...роль психотерапевта – “посредник и двойной агент”, функция консультанта, независимо от исповедуемой им концепции, – состоит в том, чтобы сочетать интересы и нормы клиента с интересами и нормами общества; консультант – “союзник” и “соучастник” клиента, и в то же время – “представитель” общества, что необходимо обуславливает не только его сопереживание и близость клиенту, но и критичность и дистанцию в общении с клиентом. Психологическое своеобразие отношений клиента и консультанта в значительной степени определяется тем, что они складываются в процессе специфического, в ролевом смысле «закрепленного» общения, включающего ряд клише. В реальной ситуации общения клише оказываются сконцентрированными и синхронизированными так, что проявляются в подчас внешне немотивированной форме. Особенно ярко это проявляется в контексте вопроса о дистанции взаимодействия. Немотивированная на эмпирическом уровне, она закономерна в культурно-истори-

ческом контексте (профессиональная кастовость и сакрализованность деятельности специалистов помогающих профессий в человеческом обществе), а также в контексте функционально-целевого взаимодействия (ролевое неравенство, обозначающее ведомость исцеляемого). Поэтому одно из базовых требований к профессионалу состоит в необходимости знать границы своих профессиональных возможностей, понимать самого себя. В этом смысле, отмечают исследователи, нет проблемы «клиент – не клиент», есть проблема «консультант - не консультант». Это предполагает обучение навыкам диалога, продуктивного осмысления себя и других людей, проблемных ситуаций, жизнедеятельности.

Еще один важный ракурс исследования проблемы помощи – наличие эффекта плацебо, «фиктивного лечения» и/или преодоление ситуации и проблем взаимоотношений их развития с человеком без помощи специалистов. Исследователи отмечают важность со стороны клиента, пациента веры социальному работнику, консультанту, психотерапевту, врачу. Изучая в разной мере успешные и неуспешные случаи помощи, они отмечают, что клиент в состоянии помочь, исцелить себя сам, а также то, что плацебо изменяет измененное поведение клиента, который выздоравливает благодаря тому, что перестает играть роль «больного». Существование эффекта плацебо, связанного с усвоением клиентом «идеи медицины» или «идеи консультирования» и «бифуркационной эффективностью» плацебо, открывает путь к шарлатанству и «плацебофобии», отражающей сомнения клиента как в самом консультанте, так и в предлагаемой им помощи, готовность и неготовность клиента к диалогу и принятию помощи.

Отношения принятия помощи исследуются в основном в рамках проблемы сопротивления (сопротивление воздействию и изменениям ценностно-смысловой позиции и других компонентов жизнедеятельности, инновациям, сопротивление совместной работе, ее прогрессу и окончанию в психоанализе, механизмы уклонения и «нарушений на границе контакта», адаптационное сопротивление и интерференции в осознании, отчуждение и отказ от изменения самопонимания и понимания мира в гуманистической и гештальт-психологии), затрудненного и конфликтного общения и барьеров понимания, особенно в психоаналитической традиции, для которой эта проблема является классической, а также экзистенциально-гуманистической традиции с ее знаменитым постулатом С.Кьеркегора: «Ад – это другие». Эти концепты и идеи раскрывают противоречивость стремления личности изменяться и оставаться прежней, открываться помощи и пониманию и избегать самораскрытия и угрожающего защитам и целостности воздействия, быть благодарной или завидовать и стремиться компенсировать свою неполноценность за счет консультанта, так же как консультант может использовать клиента, чтобы преодолеть свою неполноценность, мнимый «альтруизм». «Заговор» или, скорее «договор» о том, чтобы саботировать консультативный процесс, избегать самораскрытия или взаимного раскрытия, а также ответственности за отказ понимать друг друга и изменений может поддерживаться обеими сторонами (Касен, 2011; Ялом, 2000, др.).

Возникновение ситуаций затрудненного общения – объективное явление, обусловленное особенностями развития личности в определенной социокультурной среде, социально-психологической природой общения, механизмами взаимопонимания. Рассматривая "затрудненное общение" часто указывают на субъективную природу трудностей общения, подчеркивая, что следствием этих "субъективных трудностей" является объективная картина затруднений: от легких сбоев и трений до конфликта между партнерами. Идея субъективной природы "трудностей общения" ведет к поиску индивидуальных, личностных детерминант осознания и переживания затруднений, к суженному пониманию природы трудностей общения – попыткам оценивать реальные, объективные "трудности общения" на основе соотнесения наличного общения с его оптимальной моделью, в основе которой лежат параметры общения, отражающие позицию каждого из исследователей: (Бюдженталь, 2010, Фанч, 1997, Яковлева, 1998, Ялом, 2000, др.). Консультант стремится к познавательной и интерактивной совместимости с клиентами, удержанию в своем понимании множественных позиций и

точек зрения. Для консультанта важно осознание того, что несоответствие общения партнеров заданным параметрам "оптимального общения" приводит к затруднениям, снижает его эффективность, в том числе в сфере профессионального общения, ставит задачу поиска интегральных личностных и межличностных феноменов - базовых факторов затрудненного или оптимального общения. Субъект начинает рассматриваться не просто как источник определенного общения, а как субъект, вносящий объективные изменения в общение, представленный в качественно своеобразных отношениях к себе и другим людям. Отношение к другому и к себе как к объекту, непризнание уникальности «Я» и «Другого», ограничение свободы выбора способов понимания и моделей поведения, заданным рамкам, профессиональными или иными «концептуальными» ориентирами общения расценивается как неэффективное, неоптимальное, разрушающее личность и межличностные отношения, то есть и объективно и субъективно затрудненное общение. Субъекты такого общения – индивиды, для которых характерно сочетание объектного, неценностного отношения к другому и к самому себе, с низким уровнем понимания себя и другого. Условием такого – диалогического – типа общения – обычно является принцип взаимности: ценностно осмысленное, личностное отношение, открытое обращение – общение, глубокое и разностороннее понимание обоих партнеров. Однако, модели общения, которые выстраиваются на основе идей конгруэнтности (как взаимоответствия), вносят элементы деиндивидуализации общающихся, приводя в общении к "неадаптивным исходам". Неизбежность в общении неадаптивных исходов означает, что для субъекта затрудненного общения не характерна "неадаптивная активность". Компетентное, успешное общение начинает выступать как общение, субъекты которого «осознанно нарушают правила компетентного общения» (Братченко, 2002, др.). Особенно часто отмечается сопротивление членов группы (организации) нововведениям и отказ от их внедрения: на уровне группового функционирования и развития процессы сопротивления выступают более выпукло, чем на индивидуальном. Варианты отношений располагаются в рамках континуума: 1) отказ от помощи, демонстрация форм избегающего поведения, 2) сопротивление помощи, демонстрация форм замещающего (изменения) поведения, 3) стремление оплатить помощь, вернуть ее, 4) принятие помощи и реальное изменение, благодарность, 5) ориентация на получение помощи, ожидание помощи от других. В исследованиях различных школ психотерапии и консультирования выделяются типологии и типические ситуации и формы сопротивления, описывается их смысл как затруднений и условий успешности консультирования.

Кроме отношений помощи, ее принятия, и потребительства, исследователи выделенных и других направлений выделяют, как правило, противопоставляя, отношения доверия, партнерства и близости и отношения отчуждения, недоверия и манипуляций (Бондаренко, 2007, Касен, 2011; Сосланд, 1995, 2013; Роджерс, 1997, Флоренская, 1991, Ялом, 2007), связанные с ними «трансинформационные» или смысловые и дезинформационные или квазисмысловые интенции, а также различные виды отношений: 1) доверяющих себе и другим, 2) недоверяющих другим и доверяющих себе, 3) не доверяющих себе и доверяющих другим, а также: 1) искренних и правдивых, укрепляющих доверие, 2) иллюзорных, 3) имитирующих, 4) обманывающих и разрушающих доверие, исходя из намерений не причинять или причинить ущерб. В традиционном взгляде на психологическое консультирование и психотерапию превалирует идея о том, что их успех основан на отношениях доверия, искренности и партнерства. Однако, реальная практика и ее исследования говорят о том, что консультирование содержит значительную долю манипуляции, в том числе, в процессе трансляции клиенту психотерапевтических мифов каждой из моделей консультирования, что оно есть «оздоровление заблуждением», мистификациями и мистическими интерпретациями, объединяющими в себе «трансинформационные» (обращенные к истинному) и дезинформационные (обращенные к ложному) интенции. При этом есть две возможности. Первая – критика консультирования, психотерапии и психиатрии в рамках «антипсихиатрии» и «антипсихотерапии», (Лейнг, 1995, Минделл, 1997, др.). Вторая – использование манипулятивных

приемов, их встраивание в психотерапевтические подходы, например, в парадоксальной или манипуляционной психотерапии, либо исследование смежных практик типа шаманизма, целительства, религиозной исповеди, молитвы и медитации, мистерии и т.д., а также парадоксов консультативного взаимодействия (Калина, 1997, Сосланд, 1999, Фаррели, Брандсма, 1994, др.). В некоторых случаях ситуация столь конфликтна, что для ее разрешения привлекается общество в целом, как это случилось, например, с дианетикой и другими подходами «ургентного» (неотложного) решения проблем, опирающиеся на веру в то, что есть один метод, действенный для всех (*goldenhammerfallacy*) и требующий от клиента «стать как все». Интересным моментом этих исследований являются тенденции психосемиотического и метапсихотехнического анализа консультирования, попытки: 1) выявления и освоения «слепых пятен» и зон, кажущихся неподвластными изменению в консультативном взаимодействии, 2) выявления и трансформации зон более или менее намеренной деструктивности субъектов, противодействующих пониманию, изменениям, отношениям, 3) выявления наиболее общих, метаисторических и метакультурных, транстеоретических или трансмодульных или хотя бы эклектических для психологического консультирования феноменов, метатехнологий, позволяющих сделать любое взаимодействие с клиентом успешным (Василюк, 2007, Сосланд, 1999, др.).

Особенно распространены исследования шаманизма как «эзотической психотерапии», предтечи и аналога консультирования – как «возрожденного шаманизма», как «закливание неправильным словоупотреблением», а также «духовных аналогов» консультирования и его феноменов (Ассаджиоли, 1995 и др.). При рассмотрении шаманизма как феномена, существующего внутри той или иной религиозной практики, а также иных феноменов и «психотехнологий» духовного исцеления (медитации, молитвы, т.д.) исследователи указывают что консультирование и психотерапия, обращенные на раскрытие тайн человеческой души, являются практиками духовного взаимодействия и развития человека. В консультировании как духовной «ментальной» практике, как и в других практиках духовного развития, присутствуют откровения и столкновения с тайнами, ритуалы перехода – возрождения, предполагающие вхождение в медитативное состояние, синхронизмы, сиддхи «яснознания», телепатического общения, волшебные исцеления, особое, сакральное, переживание времени консультации как места встречи любящих друг друга и/или связанных обще кармической (обучения) или дхармической (предназначения) задачей или «матрицей» (родовой и т.д.) душ. В религиозно-ориентированной психотерапии отмечается исцеляющая сила молитвы, исповеди, медитаций. Возникновение «очищающей исповеди» – довольно редкое явление в обычной жизни, которое предполагает полную погружённость специалиста во взаимодействие с собеседником, максимальную искренность и честность (Василюк, 2007, др.). В рамках этого представления психосоциальная работа выступает как помощь человеку, группе людей, семье в переходе из статического состояния в состояние постоянного преобразования. Во время и в месте консультирования как встречного раскрытия душ, как отмечают исследователи транстерпевтических и транскультурных практик консультирования, трансперсонального общения в рамках экзистенциально-гуманистического подхода, таких его ветвей как гештальт-психотерапия, трансперсональная и религиозно-ориентированная психотерапия (Ассаджиоли Р., 2005, Роджерс, 1997, Солер, 1992, Уоттс, 1997, Ялом, 2000), очень важно то, насколько клиент решился «принять правду» своего бытия и того, что он может понять в консультировании – из того что сказал или не сказал, на что намекнул или просто умолчал консультант или сам клиент. Или, в терминах манипулятивного подхода, насколько предлагаемый консультантом психотерапевтический миф, содержащий вымыслы того или иного типа, подходит для того, чтобы «оправдать» бытие клиента. В связи с проблематикой психотерапевтических вымыслов современные исследователи отмечают, что современное время – постмодерн – можно назвать магической эпохой, в которой «расколдовывание» мира привело к усложнению социокультурной действительности, стерлась грань между рациональным и иррациональным, взаимодействие человека с миром приобрело магический характер (Ионин,

2000, Сосланд, 2013, др.). Это проявляется и в популярности герменевтических и феноменологических моделей исследования реальности и ее реорганизации, включая консультирование.

Отдельный вопрос – связан с исследованиями отношений зависимости – автономности и неподтверждения – подтверждения, в том числе в рамках паритетного, фасилитативного и затрудненного, асимметричного общения, насыщенного «двойными связями», ошибками и барьерами, обусловленными закрытым характером отношений, обедненностью отношений как их односторонностью, недостаточностью или отсутствием в общении обратных связей, неумением общающихся быть партнерами (Роджерс, 1997, Сатир, 2008, др.). «Становление партнером» – отдельная часть развития личности, одна из задач (результатов) консультирования и его условий. Кроме измерения доверия, разделения, искренности и недоверия, отчуждения, манипуляций, выделяют отношения понимания и принятия, противопоставляя их отношениям непринятия и непонимания (Бюдженталь, 2005, Бондаренко, 2007, Братченко, 2005, Касен, 2011; Роджерс, 1997, др.). Исследуются типы отношений, связанные с более или менее выраженным стремлением понять и быть понятым в диалогическом и монологическом взаимодействии, а также больше или меньшей социально-психологической компетентности, включая ее – современное – диалогическое измерение, а также компетентность в конфликтных и кризисных ситуациях и неконфликтных в повседневных ситуациях. Важным вопросом является формирование и развитие «психологической культуры» личности как условия и показателя способности субъекта быть консультантом себе и другим (Яковлева, 1999). Один из наиболее продуктивных ракурсов исследований – аллологический или ксенологический, изучающий проблемы особенностей дискурсивного взаимодействия субъектов в контексте специфики тезаурусного, нарративного и иных типов понимания, его предметной и дискурсивной специфики, условий и результатов понимания своего и чужого (Арпентьева, 2014; Солер, 1992). В понимании чужого как другого и чуждого выделяются такие аспекты как: 1) значимость или «объектность», способность другого служить «точкой отсчета» в формировании самопонимания, самораскрытия, 2) чуждость и не возможность полного и действительного понимания другого, 3) диалогичность как со-бытийность и разделенность – пограничность понимания, его случаемость и эмерджентность в диалоге, 4) «доминанты на другом», значимость учета его «диалогической интенции» и важность позиции внеаходимости, служащих условиями взаимного понимания, 5) способность другого ограничивать и изменять этим жизнь и смыслы жизни субъекта, определяя его властным усилием или самим фактом своего существования, 6) значимость другого как «объекта» отношений и собеседника (Василюк, 2007, Копьев, 1991, Кейсмент, 1993; Минигалиева, 2008).

Поскольку в консультировании речь часто идет о развитии самопонимания и о том, что чужим оказывается для человека он сам, то задача специалистов – перевести смутные «ощущения», «интуитивный голос плоти» в понимание, высвободив пространство и время для изменений, преобразования человека. Эффективность и продуктивность профессиональной деятельности в этом направлении во многом зависит от совпадения предметно-деятельностного и ценностно-смыслового аспектов. В эдологической деятельности узлом пересечения данных аспектов выступает понимание специалистом клиента. Оно является основной задачей его профессиональной деятельности и сферой наиболее явного проявления ценностного потенциала специалиста как личности. Непрофессиональное, повседневное взаимодействие людей, выступает как источник всех иных, профессиональных ценностей и ракурсов осмысления человеком себя и мира. Вместе с тем, в процессе становления профессиональной деятельности, выработанные профессионалами процессуальные стереотипы – стратегии – и содержательные стереотипы – схемы – проникают в повседневное взаимодействие, изменяя его: изменяя понимание человеком себя и мира, и, тем самым, способ бытия человека в мире. Изменяется способ воплощения человеческих ценностей, изменяются и сами эти ценности, связанное с ними понимание субъектами себя и мира, происходит их развитие. Именно

поэтому в психосоциальной работе развитие понимания клиентом себя и мира - условие ее успешности и показатель личностного развития.

Основными процессами в практике работы с клиентами являются, таким образом, процессы понимания как (пере) осознания и переработки, изменения индивидуальных способов (путей) жизни, интраперсональных (внутриличностных) и интерперсональных (межличностных) отношений личности. Эти процессы реализуются в процессе работы с индивидом или всей группой, среди них основными являются «понимание для профилактики» (например, проговаривание и выговаривание), в котором доминирующую роль играют процессы осознания и переживания, «понимание для реабилитации» (сопровождающееся феноменами катарсиза, личностных и межличностных изменений на уровне ценностей, способов понимания себя и мира, моделей общения и поведения), в рамках которого акцент смещается на действенные компоненты, а также «понимание для развития» – творчество себя и окружающей жизни в диалоге с консультантом.

4. Выводы и перспективы исследования.

Выделенные аспекты консультативного взаимодействия говорят о том, что ситуация взаимодействия клиента и консультанта – универсальна, отражает феномены и тенденции иных ситуаций взаимодействия, в наиболее развернутом виде. Социально-психологическое консультирование может быть определено как процесс диалогического, ценностно-смыслового взаимодействия индивидов и групп по поводу исследования проблем их социально-психологического становления, функционирования и развития, способов разрешения этих проблем, а также по поводу оптимизации их жизнедеятельности, (ре)социализации и самореализации. В целом, социально-психологическое консультирование – исторически новая, развивающаяся область практической деятельности и исследований помощи человеку человеку в решении задач его психосоциального функционирования и развития, особым, диалогическим образом организованное взаимодействие, характеризующееся направленностью на помощь в преодолении проблем и улучшении качества жизни, формирование и развитие взаимопонимания. Успешность социально-психологического консультирования как процесса социального обмена связана с формированием и развитием отношений партнерства и взаимной поддержки, психологической безопасности и направленности на развитие субъектов диалога. Условиями и результатами таких отношений выступает взаимопонимание субъектов. Взаимопонимание формируется в процессе социального обмена (разделения) переживаниями, их смыслами, и развивается в ходе преобразования смыслов общающихся субъектов по мере построения и развития помогающих отношений. Успешный преобразующий диалог предполагает, что взаимоотношения и взаимопонимание субъектов осуществляется не только в аспекте обучения общению и в аспекте обмена смыслами, но в аспекте ценностей, их трансформации. Трансформация жизненных ценностей и жизнедеятельности субъекта осуществляется в условиях:

- 1) обмена и согласования, конфронтации и исследования, со-творчества смыслов жизнедеятельности субъектов, стремящихся понять и быть понятыми,
- 2) в психологически безопасной (принимающей, подтверждающей, фасилитирующей самораскрытие и направленной на взаимное раскрытие) атмосфере консультирования,
- 3) как партнерского, направленного на сотрудничество по поводу изучения и решения конкретных вопросов, фрустрирующего повседневные шаблоны жизнедеятельности, общения,
- 4) со значимым (реальным, искренним и аутентичным, включенным в диалог как личность, утверждающим и подтверждающим значимость и существование себя и другого) партнером.

Социально-психологическое консультирование может быть определено как специальным образом организованный процесс диалогического, ценностно-смыслового взаимодействия индивидов и групп по поводу исследования и способов решения проблем их социально-психологического становления, функционирования и развития, а также по поводу оптимиза-

ции их жизнедеятельности, (ре)социализации и самореализации как ее компонентов. Социально-психологическое консультирование осуществляется и/или сопровождается консультантом – психосоциальным работником, задающим его организационные рамки или сеттинг, институционализирующий процессы и феномены социального обмена, типичные для любых взаимодействий и взаимоотношений людей и групп, объективизирующий их таким образом, что они становятся доступны изучению и управляемой трансформации (включая обучение) как со стороны исследователя, так и со стороны самих участников консультирования. В развитии социально-психологического консультирования место консультанта может занимать индивид, семья, группа, организация как субъекты самопомощи и взаимопомощи: специалист в этом случае лишь сопровождает процесс консультирования, выступая скорее в качестве супервизора для занявших его позицию волонтеров, «опытных клиентов» или «группового консультанта». Разнообразие форм, форматов, парадигм и моделей (школ) социально-психологического консультирования ставит перед исследователями вопросы о том, какие же феномены обеспечивают его успешность: продуктивность и эффективность, – от чего зависят результаты консультирования, не является ли оно «артефактом» социального обмена как такового. Однако, несмотря на множественность школ и подходов, до настоящего времени сфера социально-психологического консультирования не стала предметом целостного, развернутого и системного изучения: ни с точки зрения методологической, ни с точки зрения обобщенных и сравнительных теоретико-эмпирических исследований, направленных на осмысление его специфики, феноменов и механизмов. Об этом говорит и отсутствие четкого и более-менее единообразного определения (Василюк, 2007, 2013, Сосланд, 1999).

Список литературы

- Айтышева А.М. Психологияны оқытудың әдістемелік талаптары // Қазақ білім академиясының баяндамалары. Астана: КБА, 2010. – 69–74 б.
- Айтышева А.М. Психологиялық кеңес беру тәсілдерін оқыту үрдісінде қолдану: автореф. дисс. канд.пс. н. – Алматы, 2009. – 28 с.
- Ерментаева А.Р. Студенттерді субъект – бағдарлы психологиялық дайындаудың тұжырымдамалық негіздері // Білім = Образование. ПГУ им. С. Торайғырова. – 2006. – № 5 34-39 б.
- Ерментаева А.Р. Студенттерді психологиялық дайындау негіздері (Монография). – Өскемен: С.Аманжоловат. ШҚМУ баспасы, 2007. – 404 б.
- Жантану атауларының түсіндірме сөздігі/ Қ. Б. Жарықбаев, О. С. Сангилбаев. – Алматы: "Сөздік-Словарь", 2006. – 384 б.
- Казкен Н. Психологиялық қызметтің бағдарлы оқыту дағы рөлі // Мектептегі психология. – 2011. – №5. – 32-35б.
- Сангилбаев О.С. Психология: энциклопедиялық сөздік. – Алматы:Қазақ энциклопедиясы, 2011. – 658 б.
- Арпентьева М.Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования). Дисс. ... докт. психол. наук. – М.: МГУ, 2015. – 497с.
- Арпентьева М.Р. Стратегии понимания клиента в психологическом консультировании: характеристики, ограничения, возможности. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2014. – 62бс.
- Ассаджиоли Р. Типология психосинтеза. – М.: Урания, 1995.
- Бондаренко А.Ф. Психологическая помощь: теория и практика. – Киев: Освита Украины, 2007. – 332 с.
- Братченко С.Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. – М.: Смысл, 2001. – 197с.
- Бюдженталь Дж. Наукабытьживым:Диалогимеждутерапевтомипациентами в гуманистической терапии. – М.: НФ "Класс", 2005, 2010. – 336 с.
- Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы // Вестник практической психологии образования. – 2007. – № 3. – С.27–41 и 2007. – № 4. – С.37–41.
- Власова О.А. Антипсихиатрия: становление и развитие. – М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2006. – 221 с.

- Джакупов С.М., Абдрашитова Т.А. Вклад смысловой теории мышления в развитие практической психологии // Методология и история психологии. – 2009. – № 4. – С. 108–113.
- Елизаров А.Н. Основы индивидуального и семейного психологического консультирования. Учебное пособие. – М.: «Ось-89», 2003. – 336 с.
- Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 2000. – 380с.
- Калина Н.Ф. Основы психотерапии. Семиотика и психотерапия. М.: Рефл-букф, Ваклер, 1997. – 270с.
- Касен Г.А. Социально-психологическое консультирование в школе. – Алматы: Қазақуниверситеті, 2011.
- Кейсмент П. Обучаясь у пациента. – Воронеж: МОДЕК, 1995. – 256с.
- Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. – М.: «Белый кролик», 1998. – 340с.
- Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. – 1987. – № 3. – С.41-49.
- Копьев А.Ф. О прототипах психотерапевтического опыта // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. – 2005. – №5. – С. 146-158.
- Копьев А.Ф. Особенности индивидуального психологического консультирования как диалогического общения. Автореф. дисс. ... психол. наук. – М.: АПН СССР, 1991. – 18 с.
- Копьев А.Ф. Потребность в психологической помощи в контексте диалогического подхода // Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – №1. – С. 83–102.
- Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. – М.: Академический проект, 1999. – 240с., – М.: "Дашков и Ко", 2002, 2008. – 296 с.
- Лейнг Р. Расколотое "Я". – СПб.: Белый кролик, ИЦ "Академия", 1995. – 352с.
- Минделл Э. Психотерапия как духовная практика. – М.: НФ "Класс", 1997. – 160с.
- Минигалиева М.Р. Психологическое консультирование: теория и практика (учебное пособие). – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 609с.
- Минигалиева М.Р. Психологическое консультирование: теория и практика / М.Р. Минигалиева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 609с.
- Минигалиева М.Р. Супервизия как процесс взаимопонимания: фокусы, стратегии и схемы понимания субъектов супервизии. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. – 531с.
- Петровская Л.А. Общение. Компетентность. Тренинг: Избранные труды.– М.: Смысл, 2007. – 687 с.
- Психотерапевтическая энциклопедия/Под ред. Б.Д.Карвасарского. ... – СПб.: Питер, 2000. – 1019с.
- Роджерс К.-Р. Клиентоцентрированная терапия. – М.: Ваклер, REFL-book, 1997. – 320с.
- Сапогова Е.Е. Консультативная психология. Учеб. пособие. – М.: Академия, 2008. – 352 с.
- Сарсенбаева Л.О., Намазбаева Ж.И., Каракулова З.Ш. Практическая психология в ВУЗе. – Алматы, КазНПУ им.Абая, 2010. – 168с.
- Сатир В. Семейная терапия...Семейная терапия. Практическое руководство. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2008 – 244 с.
- Солер К. Клинические уроки перехода // Логос. – 1992. – №3. – С.178-189.
- Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода или как создать свою школу в психотерапии. – М.: Логос, 1999. – 368с.
- Сосланд А.И. Об идеологической сущности психотерапевтического сообщества // Психотерапия. – 2013. – №.1 – С 104-109.
- Уоттс А. Психотерапия: Восток и Запад. – М.: Весь мир, 1997. – 140с.
- ФанчФ. Преобразующие диалоги. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 384с.
- Фаррели Ф., Брандсма Дж. Провокационная терапия. – Екатеринбург: Изд-во "Екатеринбург", 1997. – 216с.
- Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. – М.: ИП АН СССР, 1991. – 244 с.
- Хрестоматия по медицинской (клинической) психологии / сост. И.А.Сапарова. – Алматы: Қазақуниверситеті, 2004. – 460 с.
- Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Семейная психотерапия. – Л.: Медицина, 1990. – 189с.
- Яковлева С.В. Психологическое консультирование: теория и процесс. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 1998. – 176с.
- Ялом И. Экзистенциальная психотерапия – М.:НФ "Класс", 2000 – 576с.

Breggin P. Toxic psychiatry / D.Rowe [For.]. - N.-Y.: HarperCollins, 1993. - 578p.

Claringbull N. Mental health in counseling and psychotherapy. - N.-Y.: Learning Matters, 2012.

308p.

Epstein W.M. Psychotherapy as Religion. - Nevada: Nevada Univ, 2006. - 288p.

Healy D. Pharmageddon. - N.-Y.: Univ. of California Press, 2013. - 320p.

McCarthy-Jones S. Hearing voices. - N.-Y., L.: Cambridge, 2013. - 470p.

McCartney M. The patient paradox. - N.-Y.: Pinter & Martin, 2012. - 336p.